

2. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2.
3. Gilbert A., Bock M. Entre lieux et mémoire. Ottawa. 2009.
4. Le Goff J. History and memory. New York, 1992.
5. Nora P. «L'Autre bataille de Bouvines». P.: Gallimard, 2005.
6. Nora P. Rethinking France: les lieux de mémoire. L., 2010.

УДК 147.78

ББК 4108

ГСНТИ 03.09

Код ВАК 07.00.09

М. В. Шистеров

Екатеринбург

BARBARORUM LIBERTAS (О КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И СИТУАЦИИ ПОСТМОДЕРНА)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культурная память, коллективная память, постмодерн, М. Хальбвакс, история, историческая наука.

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются вопросы соотношения истории и памяти, выявляется связь теорий коллективной памяти с культурной ситуацией постмодерна.

M.V. Shisterov

Yekaterinburg

BARBARORUM LIBERTAS (CULTURAL MEMORY AND THE POSTMODERN SITUATION)

KEY WORDS: cultural memory, collective memory, postmodern, M. Halbwachs, history, historical science.

ABSTRACT. In article examines the relationship between history and memory. The author reveals the connection between the theories of collective memory with a postmodern cultural situation.

Интерес к проблемам памяти в социально-культурном (а не психолого-физиологическом) аспекте в европейской – прежде всего франко-немецкой – гуманитаристике сформировался, во многом благодаря исследованиям погибшего в 1945 г. в немецком концентрационном лагере Бухенвальдт французского социолога, вышедшего из «школы» Э. Дюркгейма, Мориса Хальбвакса (1877-1945). В своих работах 1920-х начала 1940-х гг., некоторые из которых

увидели свет только после смерти автора, Хальбвакс, близкий по своим убеждениям к формировавшейся тогда «школе Анналов», разработал понятие «коллективной памяти» (*mémoire collective*) (14; 15; 16; Рус. пер.: 10; 11). Суть его открытия заключалась в том, что человеческая память, возникая в процессе социализации и поддерживаемая социальной коммуникацией – коллективный (социальный) феномен, то есть, в конечном счете, всегда сформирована надиндивидуально. Это не означает, что коллективы «обладают» памятью в физиологическом смысле (физиологическим носителем памяти – пусть даже «коллективной» – всегда остается отдельный человек, обладающий индивидуальным сознанием), но формируют (или обуславливают) память своих членов, задавая необходимые «рамки» (Подр. см.: 19). При этом Хальбвакс противопоставлял «коллективную память» и «историю», которую он понимал в позитивистском ключе: память всегда социально обусловлена и субъективна, в то время как история стремится к объективности и беспристрастности.

Теория «коллективной памяти» Хальбвакса, ставшая неожиданно популярной в 1970-80-е гг., получила ныне заметное развитие: в работах французских исследователей под руководством Пьера Нора (проект «Места памяти») (17), философском осмыслении Поля Рикера (19; Рус. пер.: 8), теоретических разработках немецкого египтолога Яна Ассмана («культурная память») (12; Рус. пер.: 2) и культуролога Алейды Ассман («помнящая культура») (1), социологических интерпретациях «социальной памяти» Джеймса Фентресса и Криса Уикхэма (13), теории социальных систем Никласа Лумана (18; Рус. пер.: 6) и др. (см.: 8. С. 411-450) При этом по мере углубления исследований в области коллективной/социальной/культурной или исторической памяти (наблюдаемая в настоящее время некоторая терминологическая избыточность восходит еще к работам Хальбвакса, который достаточно свободно оперировал разнообразными терминами: «внутренняя» и «внешняя» память, «личная» и «коллективная» или «социальная» память, «автобиографическая» и «историческая» память) все более очевидной становилась проблематичность противопоставления памяти и истории, в том смысле как это понимал сам родоначальник теории. Хальбвакс полагал историю «универсальной памятью рода человеческого»: «...коллективная

память не совпадает с историей и... выражение “историческая память” выбрано не очень удачно, потому что оно связывает два противоположных во многих отношениях понятия. История – это, несомненно, собрание тех фактов, которые заняли наиболее важное место в памяти людей»; «дело в том, что история обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память», «...ведь слова и мысли умирают, а тексты остаются» (10. С. 41-42). Небезынтересно (в контексте данной заметки) привести еще одно суждение Хальбвакса: «История едина, и можно сказать, что существует только одна история. ...историк стремится быть объективным и беспристрастным. Даже когда он пишет историю своей страны, он старается собрать совокупность фактов, которую можно будет противопоставить другой их совокупности, истории другой страны, так, чтобы между ними не было разрыва и чтобы в полной картине истории Европы мы находили не собрание различных национальных точек зрения на факты, а, скорее, ряды и совокупности фактов такими, каковы они есть – не с точки зрения той или иной страны или группы, а вне зависимости от любого группового суждения» (10. С. 46-47). Сегодня подобное (ранкеанское, по своей сути) заявление выглядит по меньшей мере старомодно, а высказанное всерьез будет воспринято «продвинутой» частью профессионального сообщества в лучшем случае как наивное, если не реакционное. История, в том смысле, в котором ее понимал Хальбвакс, умерла... В рамках ныне сформировавшейся парадигмы, понимаемая уже не как объективная реальность прошлого, а как культурный конструкт, история в лучшем случае приобретает характер специализированной, конвенционально закрепленной и нарративно обработанной формы «порождения», сохранения, трансформации и трансляции культурной памяти (тем самым становится ближе к «истории», как ее понимал Хальбвакс, но уже не в универсально-позитивистском, а в символически-конструктивистском смысле)¹⁵, которая, в свою очередь, в функциональном отношении

¹⁵ То, что Хальбвакс называл «коллективной памятью», сегодня часто обозначается как «коммуникативная память» (Я. Ассман, А. Ассман и др.). Знаменитый контртезис Р. Коллингвуда: «история... не зависит от памяти. Историк может вновь открыть то, что было полностью забыто, забыто в том смысле, что никаких свидетельств о нем не дошло до нас от очевидцев. Он даже может открыть что-то, о чем до него никто не знал» (5. С. 227), не

является чем-то вроде «клея», обеспечивающего неразрывность (устойчивость) коллективной идентичности. Более того, по мнению Лумана, память – это неизбывная рекурсивность коммуникативных операций, актуализирующих смысл (б. Т. 1. С. 623 и сл.). Иначе говоря, память (в социальном аспекте) – это обязательное условие устойчивой социальной коммуникации, обеспечивающей социокультурную «связность». В этом смысле любой социокультурный организм (или, в терминологии Лумана, система) зависит от собственной самопроизведенной памяти. Поэтому память – это обязательное условие культуры, пусть даже самой примитивной.

Вот так не стало истории... Ее заменило, как выразился однажды Нора, «всемирное торжество памяти» (7). Точнее – множества памятей: в отличие от истории, которая «едина и только одна», память всегда многолика и вариативна, а значит «замкнута» (принадлежность к группе-«носителю памяти» ограничена или вовсе закрыта) и, соответственно, репрессивна по отношению к «другим», находящимся за пределами данной группы. Ситуация отягощается тем, что «смерть истории» неминуемо повлекла за собою «смерть историка», в том смысле, что «у историка отбирается его традиционная монополия на интерпретацию прошлого» (7. С. 401). Нора, много сделавший во имя «торжества памяти», одним из первых почувствовал эту опасность: «Подлинная проблема, которую ставит сегодня сакрализация памяти, – это понять, как, почему, в какой момент позитивный принцип эмансипации и освобождения, одушевлявший ее, оборачивается своей противоположностью и превращается в форму замкнутости, мотив исключения и орудие войны» (Там же). Не претендуя, разумеется, на решение этой проблемы, выскажем несколько соображений (быть может, не новых и уж во всяком случае лежащих на поверхности).

«Новое открытие» теории коллективной памяти Хальбвакса в 1970-е гг., вероятно, следует связать с тем духовным переворотом, который имел форму социальной революции, прокатившейся в конце 1960-х гг. по западному миру (преимущественно, силами

опровергает высказанное утверждение. Дело в том, что это «вновь открытое» знание все равно должно быть интегрировано в культурную память общества (или каких-то его групп). В противном случае, оно не будет иметь социального измерения и скоростно «умрет» до следующего «открытия» при более благоприятных социальных условиях.

студенческой молодежи), а результатом – «ситуацию постмодерна», то есть новое состояние духовной культуры. Следует подчеркнуть, что это «состояние», с нашей точки зрения, отнюдь не преодолено и сегодня, несмотря на то, что постмодернизм как философская парадигма и соответствующие ей «инструментальные техники», в том числе применяемые профессиональными историками, в значительной степени себя исчерпал (что позволяет говорить – в рамках научно-философского знания – уже о «ситуации пост-постмодерна»). Западный мир (и, в гораздо меньшей степени, Россия как его специфическая часть) до сих пор живет в духовном климате постмодерна. Климат же этот проще всего определить как негативную реакцию на модерн и все его основные составляющие, начиная с принципов формальной логики и заканчивая всеми видами национального, социального и культурного неравенства (Подр. см.: 4. С. 280 и сл.). В этом «свободолюбивом» духовном контексте одна-единственная история на всех (даже если допустить возможность ее существования?) становится решительно неприемлемой, равно как и претензия историков на поиски истины, которая тоже, как известно, бывает только одна! В атмосфере постмодерна любая претензия на «истину» может трактоваться только как репрессия, по отношению к тем, кто «думает иначе». Другими словами, грань между «знанием» и «мнением» перестает четко маркироваться, потому что любое «знание» репрессивно по отношению к «незнающему», а любое «мнение» (пусть даже самое невероятное) имеет право на существование и уважительное отношение. Применительно к нашему сюжету это объясняет поворот от истории к памяти: в отличие от «большой истории» коллективная, культурная или историческая память всегда строго функциональна (то есть имманентно присуща любому социальному организму, а значит, не воспринимается как «внешнее давление», хотя, разумеется, таковым является), не претендует на поиски «истины» в научном смысле («истину для всех»), но формирует «истину для нас», которая, между тем (!), требует не только индивидуального («внутреннего») принятия, но и признания «извне». Отсюда следует, как минимум, два вывода: «историческая память» всегда ценностно-окрашена и, как и любой миф (коим она и является), невосприимчива к рациональной аргументации, следовательно, обладает большим конфликтным потенциалом.

Лапидарно высказанные выше соображения имеют своей целью, между прочим, обосновать необходимость более внимательного отношения к тому, что сегодня называют культурной или исторической памятью (как на исследовательском уровне, так и на уровне преподавания в высшей школе). Это тем более важно, когда речь заходит о содержании историко-педагогического образования в нашей стране: пренебрежение проблемами коллективной/культурной памяти может очень дорого стоить российскому обществу. Ибо история уже умерла...

Литература:

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. Кнабе Г. С. Европа, Рим и мир // Его же. Древо познания и древо жизни. М.: РГГУ, 2006. С. 563-580.
4. Кнабе Г. С. Местоимения постмодерна // Его же. Древо познания и древо жизни. М.: РГГУ, 2006. С. 272-318.
5. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Пер. с англ. М.: Наука, 1980. 486 с.
6. Луман Н. Общество общества. В 2-х тт. Кн. 1-5 / Пер. с нем. М.: Логос, 2011.
7. Нора П. Всемирное торжество памяти / Пер. с фр. // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение. 2005. С. 391-402.
8. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
9. Рикер П. Память, история, забвение / Пер. с фр. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
10. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / Пер. с фр. // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение. 2005. С. 16-50.
11. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
12. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München: Beck, 1992. 344 s.
13. Fentress J., Wickham C. Social Memory. Oxford: Blackwell, 1992. 245 p.
14. Halbwachs M. Les cadres sociaux de la mémoire. P.: Alcan, 1925. 404 p.

15. Halbwachs M. La topographie legendaire des évangiles en Terre Sainte. Etude de mémoire collective. P.: Presses Universitaires de France, 1941. 206 p.
16. Halbwachs M. La mémoire collective. P.: Presses Universitaires de France, 1950. 171 p.
17. Les Lieux de Mémoire / P. Nora (dir.). T. 1–7. P.: Gallimard, 1984–1992.
18. Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Bd. I–II. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997.
19. Namer G. Halbwachs et la mémoire sociale. P.: L'Harmattan, 2000. 250 p.
20. Ricoeur P. La Mémoire, L'Histoire, L'Oubli. P.: Éditions du Seuil, 2000. 690 p.

УДК 372.893:371.671.11

ББК 4426.633-268.2

**ГСНТИ
03.09**

Код ВАК 07.00.09

В.А. Шихов

Нижняя Салда

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ США НАЧАЛА XIX ВЕКА В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ ДЛЯ 10 КЛАССА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: промышленная революция, политическая система, территориальная экспансия, рабство, учебник истории, Гражданская война, Война 1812-1814 годов

АННОТАЦИЯ: В данной статье анализируются российские учебники по всеобщей истории для 10 класса с позиции отражения в учебном материале конкретного периода американской истории – начала девятнадцатого века, от окончания Войны за независимость до начала Гражданской войны.

V.A. Shikhov

N-Salda

A REFLECTION OF THE HISTORY OF THE UNITED STATES OF THE EARLY NINETEENTH CENTURY IN THE SCHOOL HISTORY TEXTBOOKS FOR GRADE 10

KEYWORDS: industrial revolution, the political system, territorial expansion, slavery, history textbook, Civil war, War of 1812-1814

ABSTRACT: The article deals with Russian books on the General history grade 10 from a position of reflection in the learning content of a particular period